

С сайта:

<http://iremember.ru/memoirs/svyazisti/gladilin-andrey-semenovich/>

Гладилин Андрей Семенович

Опубликовано 24 апреля 2012 года

Я родился в маленьком городке Короча, расположенном около станции Прохоровка. Но в 2 года меня увезли в Курск, где я и жил до 18 лет.

Отец у меня окончил Полтавского землемерное училище, что-то вроде техникума и занимался землемерным делом. Потом он стал учиться и доучился до начальника топографического отряда. Участвовал в разделе земель между колхозами. Как раз когда организовывались. А мать была до революции учительницей в Жиденовке, которая находилась в четырех километрах от Калиновке.

ГРАЖДАНСКОЙ НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество... *Гладилин Андрей Семенович*

Военное звание... *Лейтенант*

Должность, часть... *Офицерский батальон 1-го гвардейского стрелкового полка 1-й гвардейской стрелковой дивизии*

Предоставляется к награде... *оружия "Красная Звезда"*

1. Год рождения... *1920* 2. Национальность... *русский*

3. С какого времени состоит в Красной Армии... *с июня 1941* 4. Партийность... *член ВКП(б)*

5. Участие в боях, где и когда... *с июля 1941*

6. Имеются ранения и контузии... *ранен при взятии города Прохоровка*

7. Чем ранее награжден и за какие отличия... *за мужество*

8. Каким РЯК призван... *выборочный резервист*

9. Постоянный домашний адрес / предлагаемого к награде или его семьи / ...

КРАТКОЕ, КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ

Лейтенант - командир взвода автоматчиков 1-го гвардейского стрелкового полка 1-й гвардейской стрелковой дивизии в боях за Прохоровку в июле 1942 года. В боях проявил мужество и героизм. Был ранен в живот и ногу. Несмотря на ранения продолжал командовать взводом и был награжден орденом Красной Звезды.

В Курске я окончил десятилетку, после чего поехал в Ленинград, чтобы поступить в Ленинградский политехнический институт. Школу я окончил с похвальной грамотой и у меня было право безэкзаменационного поступления, но на электромеханическом факультете, на который я поступал, для отличников было выделено только 50 мест, а их было 250 человек. Преподаватели проводили с абитуриентами собеседование, чтобы определить, кого принять с общежитием, кого принять с общежитием и стипендией. Я все получил: и общежитие, и стипендию, и сразу пошел заниматься.

О Ленинградском политехническом я узнал еще в Курске, когда изучал биографию Молотова. Это был старый, императорский институт с отличнейшими кадрами. Лекции нам читали Иоффе и Курчатова, а практические занятия по технике высокого напряжения вел Ботвинник.

В 1939 году, когда началась Зимняя война я был на первом курсе. Мы, человек 15, пошли в военкомат, подали заявления об отправке нас на фронт. Но нам сказали, нет, берем только тех, кто на четвертом и пятом курсах.

В 1941 году я заканчивал третий курс института, сдал уже пять экзаменов, оставался последний – электрические сети и системы и тут началась война.

Сижу в читальном зале политехнического института, готовлюсь к экзамену, а в 12 часов захотелось есть. Думаю, что за черт, книжки лежат, никого нет, пустая библиотека, все куда-то разбежались. Выхожу. Слышу на пяточке при входе в политехнический институт работает радио. Слышу слово – война. Оказывается, выступал Молотов. Тут встретил знакомых, ты что не знаешь. Нас уже вовсю бомбят! Я пошел в райком комсомола. Мне кто-то из начальства дал бумажку, иди на хлебозавод, надо срочно делать замесы хлеба, нет рабочих. И я сутки не вылезал с хлебозавода. Потом пришел в свой комитет комсомола, они говорят, надо идти, защищать. Есть решение о создании народного ополчения, мы тебя рекомендуем в Выборгскую дивизию. Пошел в райком, они мне выписали направление, и я поехал на Охту.

Моих однокурсников призвали дней на десять позже и направили в части ПВО.

Я попал во 2-й стрелковый полк Выборгской дивизии народного ополчения. Мы сначала были на Охте, а оттуда уже нас выдвинули к Луге.

В первые дни ничего особенного не было. Были посты какие-то на дорогах, потом мы стояли во втором эшелоне. Первый настоящий бой – вывели и сказали сейчас немцы будут прорываться через реку, впадающую в Неву, надо не допустить. Я вылез. Какая-то дикая природа, тут стоят высокие сосны, а здесь мелкие кустарники, много папоротника. Смотрю, среди папоротника что-то желтое мигает, присмотрелся, немец с лопаткой ковыряет свою ячейку, углубляет. Я его то вижу, то не вижу его. Потом я начал прицеливаться, бах, попал в шею. Вижу, готов. Тут рядом лежал Планпе, эстонец или латыш, хороший парень, мы с ним дружили. Я говорю ему, слушай, посмотри за моей винтовкой, я полезу. Полез по папоротникам, он лежит откинутый, изо рта и ушей течет кровь. Во френче солдатская книжка, а я в институте учил немецкий. Читаю – год рождения 1916, проживал в Страсбурге. А дальше боевые действия. Десантник – прыгал на Варшаву, прыгал на Брюссель, прыгал между Парижем и Виши. Десять дней назад прыгал за Полярным кругом, в Норвегии. Я взял его каску. А у них белой краской сзади по этой кромке написано Курт Веллинц. Отдал ротному. Вечером была политинформация на тему, что вот молодой солдат убил такого матерого десантника.

На другой день, у нас уже окоп был, прислушался, вроде тихо, слышна где-то немецкая речь. Я полез вперед, глупый был, не опытный. Прополз метров 8, слышу немецкий разговор хорошо. Там стоит пять или шесть немцев на обратном скате с нашей стороны не видно и курят сигареты. Я пулей обратно в окоп Бросил винтовку говорю соседу, дай пулемет, у него ручной пулемет Дегтярева был. Он дал мне пулемет, я прилез, поставил

на сошке. Думаю, надо не волноваться, все точно сделать. Прицел не забыть. Поставил 0 – 100 метров. Выстрелил. Дал очередь 30 штук. Все легли. Бросил все и пулей в свой окоп. Как начали по этому месту смолить 50-миллиметровыми минами. Бросают туда, как картошку. С полчаса был огневой такой вихрь. Потом я полез, забрал пулемет. Диск у него весь был искорежен осколками. Дульный пламегаситель тоже, видно осколок попал, прыгнул. Но стрелять можно. Диск только заменили, и пулемет цел. Когда политрук первый раз выступал, закончил тем: «Гладилину двойной ужин!» А когда вечером сказали, что я из пулемета опять немцев убил. Полковой агитатор слышал стрельбу. Опять вечером объявляют: «Гладилину двойной ужин!»

Потом мы уже отступали до станции Лигово, все время огрызались. В контратаку раза два ходили.

Секретарь парткома, подполковник, подбегает, говорит, Андрей, возьми вот там грузовики, езжай к городу, возле Кировского завода должны быть склады снарядов на улице. Я побежал. Взяли грузовик ЗИС-5, проехал метров 30 стоит нквдешник, стоит машина на ней четыре максима. Сержант держит какие-то флажки. Он смотрит, побежали с позиций. Он что-то сказал в рупор, потом: очередь! Они над ними, как дали из четырех стволов. Мы сразу остановились. Он показывает, обратно. Ко мне подошел, раз вот так воротник, а там голая гимнастерка. Он думал, что я офицер, а я в ватнике.

- Куда?

- За снарядами послал парторг.

- Какие?

- 76-мм.

- Езжай.

Через полчаса еду обратно, везу через полчаса, заводские рабочие покидали несколько ящиков. Нквдшник увидели, что я еду, везу снаряды. Улыбнулся мне, молодец мол, что не обманул. Отвез снаряды, сам пошел в свою роту.

15 сентября я был ранен, осколок прошел под лопаткой, меж ребер и у застрял у позвоночника.

Но мне повезло, меня сразу подхватило двое ребят и оттащили к медикам, они недалеко были, врач и две сестры. На мне форму быстро разрезали, перевязали и я лежал голый до пояса, карман с комсомольским билетом прикололи к брюкам. После перевязки мне сказали: «Скорее ползи к дороге, А то через полчаса здесь будут немцы». Я отполз к дороге метров на 50 и в это время в распоряжение медиков угодило два снаряда – только куски человеческого тела полетели. Палатки обрушились, там всех побило, и врача, и сестер, и раненых.

В это время по дороге шла машина, увидела, что я голый лежу в кювете, остановились, бросили меня на заднее сидение, ноги торчат, дверь не закрыли. Привезли меня на Кировский завод, там уже штаб и КП нашей дивизии. Врач, начальник медслужбы, выписал талончик, дали санитарку и меня повезли в больницу им. Мечникова. Положили на пол в коридоре, а у меня был наган в кармане, винтовку я потерял, когда ранен был. Чувствую, начинается какой-то процесс, мне стало жарко. Вынул наган, выстрелил в потолок. Прибежали и сразу оттащили к хирургу. Хирург, женщина, смотрит, забинтованная дыра.

- Что у тебя?

- На спине...

- Поднимайте, все вижу. некогда заниматься анестезией, потерпи.

Сделала по спине разрез, вынула осколок.

- Девочки, помойте, заверните ему в карман. Это чудо, что он с таким осколком еще лежит живой.

Отвезли в военный госпиталь, который сделали из обкомовской больницы им. Свердлова, это на Старом Невском за Московским вокзалом. Там самое неприятное было – тонкий прут на конце которого намотана марля, обсыпанная стрептоцидом. Им обрабатывали рану, небо с овчинку кажется. Но этим меня и спасли, у меня начиналась газовая премона, это предвестник гангрены.

25 сентября госпиталь подвергся бомбежке. Через палату от нашей комнаты бомба рванула. Окно сразу вылетело, здание начало рушиться, посыпались кирпичи. Нас в палате было 7 человек, трое выпрыгнули, а четырех задавило. Это было в 11 часов, а меня пожарники подобрали только в 16.00, когда трупы собирали. Очнулся я только в 11 часов вечера, рот открыть не могу, видно стеклом пырнуло в кожу, лицо залило кровью, поэтому думали, что я мертвый. Меня перевязали, а на другой день перевезли на Петроградскую сторону. Там меня осмотрел врач и говорит: «Нужна подпись, что вы согласны на эвакуацию через линию фронта. Мы вывозим на самолетах тех, кого здесь не можем спасти. Нужна хорошая медицина, а самое главное хорошее питание, а здесь уже урезали паек». Я подписал.

1 октября нас привезли на аэродром, где стояло два вооруженных Ли-2. Сначала нас загрузили, но тут прилетели немецкие истребители и нас выгрузили, нас поместили в окопы зенитчиков. После того как налет отбили, нас опять погрузили в Ли-2 и мы самолеты вылетели. Сперва мы пошли на Карельский перешеек, я еще в окошко смотрел, увидел свой институт, а потом повернули на перешеек и пошли через Ладогу.

Как скрылся берег, появилось два мессера. Нас прикрывало два стареньких И-16, которые попытались отогнать мессеры, но они смогли сбить один Ли-2, А наш смог отстрелялись.

Мы приземлились где-то под Тихвином, на раскисшем, болотистом аэродроме. Я ночью проснулся, рядом стоит врач, еще командиры в кожаных регланах и врач говорит: «Этих двоих надо увозить при любых условиях, у нас они помрут. А остальные могут два, три дня подождать». Двоих – это меня и капитан военно-морского флота, у него голова была пробита и виден мозг. Нас загрузили в самолет и через два часа мы уже были на Тушинском аэродроме, откуда нас отвезли в МОКИ, Московский областной клинический институт, в котором тогда размещался госпиталь.

Я там оклемался, начал ходить, мне прописали делать упражнения и в это время прорвались немцы. 16 октября – в Москве паника, я видел как все бегут прямо толпами. Мне дали ватник, гимнастерку, сапоги, погрузили в санитарный поезд и вывезли из Москвы.

Санитарный поезд шел медленно. Однажды утром мы проснулись в Горьком, тишина. Эшелон на товарном дворе, а мы смотрим – открыты ворота, виден ларек и мужики пьют пиво. Мои товарищи по купе, вагон не купированный был, а просто классный, говорят: «Слушай, у тебя крепкая правая рука, вот тебе ведро. Иди, бери пиво. Вот пачка денег». Я пошел. Подошел. Мужики увидели я весь перевязанный, сразу взяли у меня ведро. Я даю деньги, они говорят, какие там деньги!!! Налили полное ведро. Я взял ведро, смотрю, к нашему эшелону уже паровоз цепляют. Я прошел половину до вагона, и тут эшелон тронулся. Мне кричат, давай, быстрее. Я как мог, ускорил шаг, и тут поезд встал, там, оказывается, начальник поезда, майор медицинской службы, увидел эту картину, что раненый тащит ведро и остановил эшелон. Я подбежал, мне говорят, давай быстрее ведро. Ребята его сразу унесли, спрятали. Я зашел, все легли, и когда начальник поезда дошел до нашего вагона он ничего не нашел. А пиво мы позже выпили.

Из Горького эшелон пошел по направлению к Уралу. На маленьких районных станциях, где есть больницы, оставляли тех кто уже подлечился, и ехали дальше. Меня разместили на станции Оричи, в 40 км от Кирова. Там в лесу, прямо за железной дорогой стояли два двухэтажных рубленых из бревен дома.

Там я быстро подлечился и меня направили на станцию, оттуда поезда шли в Свердловск, где находился распределительно-пересыльный пункт. Мне на дорогу одна медсестра сварила курицу, а на второй день она закончилась. На третий день ко мне подходит маленькая девочка и дает кулек полный шоколадных конфет. Я ее начал

пытать, кто дал? Поезд стоит в поле, все гуляют. Девочка говорит, вот эти две тети. Смотрю – молодые девчата, студентки, одна была дочкой начальника тыла 14-й армии. В конце концов поезд прибыл в Свердловск и я пришел на пересылку. Там мне дали одеяло, подушку и матрас и два дня я прожил там, спали на полу в спортивном зале. На второй день выкрикнули: «Рядовой Гладилин!» Я подошел: «Вот тебе бумага, едешь в город Уфалей, в 47-ю стрелковую бригаду», – а это 100 км от Свердловска, по направлению к Челябинску. Я взял бумажку, а больше мне брать было нечего. У меня только брюки, сапоги, ватник да каска, даже шапки не было. Я набил в каску вату, чтобы не замерзнуть и пошел на вокзал. Смотрю очередь в магазин, а у меня рублей 600 было. Я подхожу к милиционеру, спрашиваю что дают? Он – фрукты, заходи. Да у меня, говорю, сетки нет, а продавщица говорит, солдат, я тебе сейчас все дам. Взвесила гранаты и я с этой сеткой на трамвай, и на вокзал. Узнал, что поезд будет ближе к вечеру, но говорят, сесть невозможно. Но это фигня – для нас сесть всегда возможно, хоть на крышу залезем. Пошел на перрон, смотрю стоят три девахи, такие щекастые, розовые, откормленные. На них хорошие шинели, шапки, хромовые сапоги и по два кубика в петлицах у каждой. Военфельдшеры. Подхожу к одной. Говорю:

- Ну, что, в Уфалей, небось, едете?

Она начала мне разъяснять, что рядовые так к офицерам не обращаются, и вообще – это военная тайна. Я говорю:

- На, держи сетку. А я пойду в город, через час приду.

И пошел. Пришел потом, а там еще младший политрук в Уфалей ехал, мы с ним заднюю дверь открыли, где не сажают, девчонок запустили, сами сели. Девчонок положили на третью полку, сами залезли под полки, лежим. Тут пришли пассажиры. Один пихал чемодан, а я его не пускал. Он говорит, что за черт, не могу положить чемодан, что-то мешает. Я говорю:

- Я мешаю, иди со своим чемоданом.

Он привел проводника. Проводник – молодая девчонка, я говорю, слушай, девочка, я вышел из госпиталя, был ранен под Ленинградом, и сейчас снова еду на фронт. Так что мне не угрожайте. Пришел патруль – молодой лейтенант с двумя солдатами, посмотрел. Я ему объяснил. Он говорит проводнику, пусть едут, они на фронт едут. На том кончилось.

Приехали в Уфалей, а там минус 33 градуса. Комендант на вокзале попросил одну женщину нас проводить. На ней было три платка, она один сняла с себя намотала на меня, чтобы у меня хоть лицо и уши не отмерзли. Привела в штаб бригады, там никого нет, 4 часа утра. Я залез на какой-то стол, лег и тут же уснул.

В бригаде меня поначалу направили в истребительный противотанковый дивизион, хотели, чтобы я там был комсомольским секретарем, а там уже вроде выбрали. Я обратно в штаб бригады, сижу, пришел командир батальона связи. Пошли ко мне в батальон! Я пошел. Он говорит, у меня нет ни одного солдата моложе 30 лет. Я тебя назначу командиром взвода, правда звание я тебе дать не могу. Во взводе будет 12 человек, все крепкие уральские мужики, рабочие завода, от 30 до 36 лет.

Через неделю мы поехали на фронт. Ехали «курьерской» скоростью, только паровозы менялись. Неслись к Москве, а там немцы уже Клин взяли, Калинин и подошли к Красной поляне.

Мы выгрузились в Яхроме, оттуда отошли в деревню Горки, там переночевали, а в ночь на 29 ноября немцы переправились на восточный берег канала Москва—Волга.

Там как получилось – на западном берегу канала, от Дмитрова до Яхромы трудящимися Москвы и Подмосковья была выкопана отличная траншея в полный рост и 27 ноября туда прибыла 29-я стрелковая бригада. В 6 часов вечера два батальона бригады заняли оборону в этой траншее, третий был на восточном берегу канала, а на следующий день, в 7 утра к траншее подошли 15 легких немецких танков Т-3 и полроты мотоциклистов, на каждом мотоцикле пулемет стоя. А у бригады ни одной противотанковой гранаты, ни одного противотанкового ружья не было. Немцы это сразу поняли – встали вдоль траншеи и хлестанули из пулемета. Наши открыли огонь из винтовок, а что толку? Мотоциклисты прижали их из пулеметов и вперед пошли танки, а на этом танке у немцев 37-мм пушка и пулемет. И вот бригада, практически не сделав ни одного выстрела, погибла. К вечеру перешли немцы канал по льду.

Через канал еще было переброшено два моста, которые немцы смогли захватить. Мосты были подготовлены к взрыву, только ручку поверни и взорвется, но вся команда, 12 человек, залезла в землянку, холод, 25-27 градусов. Немец зашел с автоматом в землянку и 12 человек положил. Потом отцепили провода, дали ракету и 15 танков запросто прорвались через канал, поднялись в горку, заняли деревни Пермилово и Сенежки.

Сталин узнал, что немцы вошли на восточный берег, позвонил командующему армии Кузнецову и сказал, делай, что угодно, хоть сам поднимай в атаку, но немцев сбрось на западный берег. Там от Яхромы, Дмитрова до Загорска дороги почищены, штаб армии находился в Загорске, туда подходили свежие части и Кузнецов организовал контратаку.

Немцы к тому времени сильно устали, они в Пермилово ворвались, а там никого нет, так они танки на улице оставили, а сами в дома забились, грелись, спали. Когда мы в 6 утра

кинулись в атаку у них в охранении всего человек 15 было. Немцы из домов выскочили, на мост и убежали на тот берег, танки даже не пытались заводить, они же понимали, что бензиновый двигатель попробуй заведи в минус 25, его же надо как-то греть. И вот эти 15 танков так и остались стоять.

30 ноября наша 47-я бригада ночью перешла канал. У немцев в боевом охранении была 34-я пехотная немецкая дивизия, мы боевое охранение сбили и захватили плацдарм – четыре километра шириной и три километра в глубину. В 8 утра на этот плацдарм Кузнецов переправил еще четыре бригады. Две бригады начали атаку на Яхрому, а две наступали чуть левее на северо-запад на деревню Степановку. Наша бригада, была во втором эшелоне, потому что мы пока брали этот плацдарм положили наверное 30% от бригады, но все-таки захватили плацдарм.

Я тогда во 2-й батальон бригады направлен был, у меня всего 30% времени уходило на связь, а остальные 70% я то в разведку ходил, то, после гибели командира роты, роту в атаку поднимал.

К 15 декабря наша и 82-я бригады с юго-востока, 30-я армия Лелюшенко с северо-запада подошли к Клину. Тогда от 82-й бригады в Клин были направлены парламентареры, с предложением к немцам сдаться. С белым флагом вышли к немцам, те их приняли, привели к командиру немецкого механизированного корпуса, он предложение прочитал, написал отказ и отправил ребят обратно. Ребята вернулись назад, лейтенанта за это наградили орденом Красного Знамени, а солдату дали орден Красной Звезды. 15 декабря взяли Клин, немцы отошли на Высоков мы пошли за ними. Взяли Высоков, Теряеву Слободу. Под Яропольцем на Ламе они нас остановили на неделю. Мы подготовились, атаковали, сбили их с зимнего рубежа.

10 января ко мне в окоп пришел командир роты, говорит – на тебе два кубика, прицепишь по одному в петлицу, командарм тебе 5 января младшего лейтенанта присвоил.

Наша бригада дошла до райцентра Латышино и вдруг 20 января 1942 года нас вывели из боя. Сталин 19 января позвонил Кузнецову, сказал, что 1-я ударная выводится из боя, отводится в район Решетникова–Завидово, где будет пополнена оружием, людьми, после чего она должна была быть отправлена на Северо-Западный фронт. Он решил, что надо быстро освободить Ленинград.

Нас погрузили в эшелоны и вывезли в Загорск. Мне командир бригады сказал, Андрюша, мы поехали, а ты с другой бригадой, я договорился, тебе на твою братию дадут вагон. Ты здесь все собери, проверь по деревням, бригада в пяти деревнях располагалась, смотай провод. Разгружайся в Акуловке.

Мы в Акуловке вылезли, карты нет, куда идти не знаю. Зашел к коменданту, он говорит, слушай, солдат, вот расчистили дорогу 150 км, по не войска идут иди и ты туда. И вот мы пошли – я на санках, лошадь и одиннадцать солдат. Куда все, туда и мы.

Дней 8 мы шли. Продукты у нас закончились через три дня, но по дороге шли машины, и мы на ходу залезали в машины, сбросим коробку гречневой каши, брикеты по 200 грамм. Лошадь тоже кормить надо, одна машина везла мешки с овсом, мы пару мешков сбросили. Первые две ночи мы мучились, никак не могли найти место для сна, а потом я говорю, будем квартирьеров вперед высылать. Отъехали километров 30, прыгивайте и вперед, бронируйте место, чтобы в тепле поспать. Так и шли. Вышли в устье Ловати, Ильмень озеро. Зашли в редколесье – следы бомбежки, машины разбиты, лежат трупы солдат. Тут видим, лежит один боец из нашего батальона, Ушаков, я говорю, ну, все, мы на верном пути. Давайте, Ушакова хоть снегом прикроем, а то лежит...

К вечеру добрался до бригады, пришел к командиру. Он меня обнял, молодец, пробрался, чем кормился?

- Что украдем, тем и кормимся.

Так он это запомнил, и когда случались такие экстраординарные явления, он обычно меня вызывал и посылал что-то выполнить.

На Северо-Западном фронте 1-я ударная армия осталась надолго.

В 1942 году мы участвовали в попытке уничтожения окруженной группировке немцев в Демянске. Наша бригада наступала с юга, по восточному берегу Ловати, а с севера наступала 11-я армия, но немцы смогли прорваться в Рамушево, захватить мост и соединиться со своими частями. И вот так год мы там стояли.

Там была такая деревня – Сутоки, мы ее прозвали Долиной смерти, там в три слоя трупы лежали. Как-то, в ноябре или декабре, я ползу к переднему краю, а там одно место, небольшая низинка, и ровный лед, с него ветром снег сдуло. Я ползу, глянул, а во льду лежит человек. Толщина льда над ним сантиметров 10. Лежит молодой парень, розовые щеки, Глаза открыты, такая жуткая картина. А из-за него еще один лежит. Наши солдаты. Вмерзшие.

В феврале 1942 года позвонили из батальона, у них там снайпер появился. Мне командир сказал, сходи с Быковым в батальон, разберитесь, что там у них. Пришли в масхалатах. Я говорю Быкову, опусти шторку. А он: «Да ну». И он от меня стоит в метрах пяти. Мы без винтовок снайперских пришли с автоматами, посмотреть, что у них делает снайпер. Я выглядываю и вижу вспышку. Небольшой бугорок в метрах 200, метет снежок. Но вспышку я заметил. Говорю: «Коль, я увидел». Смотрю, а Коля медленно опускается. Теперь уходить уже нельзя, пока не убьешь этого немца. Говорю командиру батальона,

он тут же сидел в траншее, дай мне хорошую снайперскую винтовку. Дали винтовку. Отошел, выбрал место, прижался к стенке, начал потихонечку высовывать. Замаскировано так, чтобы посмотреть сзади на каком фоне, все снайперские приемы надо знать. Начал околевать. Три часа лежал. Уже стало смеркаться. И вдруг там шевельнулся, я взял и выстрелил, вроде что-то вздрогнуло и тихо. Отдаю винтовку. Пойду на КП. Не уверен, но вроде я его достал. И ушел. Пришел, лег спать, спали не раздеваясь, в час ночи будит меня дежурный, звонили со второго батальона, просили тебе передать, что полез наш сержант с солдатом к тому бугорку, и приволокли мертвого немца и снайперскую винтовку принесли.

За этого немца меня наградили медалью «За Отвагу».

15 марта 1942 года я стал замкомандира роты. Тогда на Северо-Западном фронте начался потоп – 150 км дорога, да там только название дорога – наезжанная грунтовка и ее всю развезло. К тому времени из прифронтового района было выселено 100 деревень, их эвакуировали в тыл России и вот мы в этих деревнях дома разобрали на бревна, и сделали 150 километров настила, по которому пошли машины, везшие продукты, боеприпасы.

30 апреля был бой. Я видел как немцы захватили в плен моего командира роты, Богданова, Оглакова и Сабонова. Из кустов выскочили, схватили их и тут же утащили. Меня тоже пытались взять. Но я двух успел расстрелять и убежал.

Получилось так. Командир бригады говорит, мы уходим с фельдшером и с двумя автоматчиками в тыл, а ты тут посмотри, и тоже сматывайся, твоя радиостанция уже ушла. Со мной был Белов, сержант, а у нас в метрах триста сзади была землянка, где наши тряпки, мешки. Он говорит, зайдем, заберем барахло. Мы в землянку залезли, а там моя шинель была, я в ватнике был, я шинель взял, на плечи накинул, на крючок застегнул, и вдруг Белов вылезает и говорит, лейтенант, немцы!

Я высунулся, сел на край, посмотреть, смотрю, цепочка человек пять, идут не спеша не спеша так. Они меня увидели, а я поднялся и побежал. Немцы за мной. Я быстрее к кустарнику, а у меня шинель развивается, один немец меня догнал, схватил за шинель, рванул. У меня крючок лопнул, шинель у него, я упал, он об меня споткнулся, и тоже упал. Поворачивается ко мне, А у меня трофейный «вальтер» был и я успел его вытащить, и прямо ему в рот, как дал. На меня как все брызнет. Сразу отполз по мокрому, встал за кустами, а там солдат стоит. Я ему говорю, какого ты не стрелял. А у него ППШ, пуля попала в спусковой механизм. Автомат не годен для работы. Он говорит, слушай, лейтенант, у меня есть кусок сала, давай на всякий случай съедим, а то такая обстановка,

что или убьют, или в плен возьмут. Я говорю, ну, давай. Съели сало, и не спеша по кустам пошли в ту сторону, где наши. Идем. Впереди вдруг цепочка из трех человек. Идут, винтовки за плечами. Я вижу, что не русские и говорю, пусть идут, а мы сзади будем идти в метрах 30, чтобы видеть обстановку. Немного прошли, слышим работает танкетка, смотрим – и действительно на прогале стоит танкетка, а около нее два немца стоят и курят. Эта тройка идет, снимает винтовки, бросает, падают на колени, поднимают руки.

У нас граната была, Ф-1, и мы ее бросили. А немцы стреляными ребятами оказались, они сразу за танкетку спрятались. Граната упала между танкеткой и этими, казахами или узбеками и рванула. Крик, многих поранило... Я смотрю, танкетка башню поворачивают, а у нее там 20-миллиметровая скорострельная пушка и пулемет. И мы раз в кусты, легли и поползли, танкетка только ветки затронула, а нас не задела.

Мы минут через 20 слышим матерятся, я говорю, ну, все, это наши. Пришел весь мокрый. Командир бригады говорит, ты не знаешь, где второй батальон?

- Знаю.

- Вот бери два взвода, отведи только, покажи им. И придешь потом, переоденешься. Где шинель?

- Немец стащил, но я его убил.

- Правильно сделал.

Тем дело кончилось. Мы вступили на новый рубеж, я доложил, что немцы Богданова в плен взяли и я стал и.о. командира роты связи.

И мы здесь просуществовали здесь почти год. 5 мая я должен был идти в политотдел получать партийный билет. Мне мой политрук политрук, Мишка Новиков, передал тебя завтра вызывают, надо идти в тыл, километров 8 и я туда еле дошел, дорогу-то развезло, с продуктами плохо было, я тогда на 10 килограмм похудел. Пришел. Первым делом дали кусочек хлеба, грамм 30 и кусочек сала грамм 30 тоже, вот покушай, и чуть сладковатого чая, кружку. Выпил, отдышался, вручили партбилет. Сейчас еще тебе дадим кусочек хлеба, уже сала не было. И я пошел обратно. Обратно пришел, упал и лежу, сил нет, еле дошел. К этому времени на каждой орудии осталось две лошади, вместе шести. Потом и последнюю пару съели. Лошадей не было, орудия были неподвижными. Так мы пробыли год с лишним. Летом, правда, снабжение наладилось. Но какое снабжение? Один снаряд в день на орудие. Две мины на 82-мм миномет на сутки. Только патроны в достатке.

Один раз мне как следует досталось. Я старшего лейтенанта должен был получить в июле или августе, а получил в начале июня, потому что бригада взяли и ушла за Ловать, а я уходил последним. Мне как обычно сказали, ты тут все подбери, собери.

Вышли на деревню Селяха, а она вся сгоревшая, только печные трубы стоят и куча золы. Я пока со своими солдатами дошел до Селяхи, ко мне из кустов еще солдаты присоединились, всего человек 60 набралось. Вышли к Ловати, она там петлю делает, а уже расцвело. И тут вылезают немцы. Мы залегли в Селяхи, у нас был ручной пулемет, а когда начался бой к нам еще 4-5 человека вышло с немецким пулеметом и мы отбивались. Я говорю, ребята, на другой берег мы перейти не можем, нас всех утопят, так что надо продержаться до темноты. И мы держались. Немцы нас раза три атаковали. Один раз сбоку вышел лейтенант с двумя солдатами. Солдат мы убили, а лейтенанту я прострелил икру специально, чтобы он не убежал от нас. И держал его при себе до вечера. А на том высоком берегу, наши части были, туда генерал приехал и с ним прокурор. Им докладывают: «На той стороне идет бой». Они на берег вышли, посмотрели, видят, что немцы вдруг из деревни убегают, приказали продержаться нас минометами. Нас поддержали и так мы продержались до темна.

Вечером в Селяхи пришли два майора и с ними 150 солдат. А у меня к концу дня набралось 80 человек, одного убило, двух ранило. Спрашивают:

- Где начальник обороны Селяхи?

Они показывают на меня, а я весь вымазанный в золе, чтобы только куда-то вжаться. Они мне козыряют.

- Забрать своих солдат.

А моих солдат 10 или 12, а остальные разные набежавшие, но с нашей бригады. Я переправился, пришел в штаб бригады, немца туда привел, старшего. И докладываю – лейтенант Гладилин. Генерал сидит и говорит Власенкову.

- Несправедливо, лейтенант привел старшего лейтенанта и держал оборону. Пишите представление на старшего лейтенанта, я заберу с собой и ему присвоим звание.

И мне через 3 дня сообщают, что я могу носить три кубика. Это было в июне 1942 года.

Еще пару случаев было. У меня в роте еврей был, Кальман по фамилии, хороший парень. Он оборудовал блиндаж, у него там телефон был, и он передавал. А я на другом берегу Ловати был. И вижу – танки уже к его блиндажу подходят. Метров 50-100 осталось. Слышу в трубке: «Прощайте, товарищи!» Танк налезает на блиндаж, в трубке все затрещало. Его представили к ордену Красного Знамени, а дали Красную Звезду, но, все-таки, наградили. Еще один, Кауров, получил Красную Звезду за то, что генерала из армии

спас. Генерал оборону на том берегу проверять приехал, и его ранило. Так Какуров схватил его за шиворот и перетащил через реку.

В марте 1943 года нашу бригаду вывели с Северо-Западного фронта и переформировали в 70-ю стрелковую дивизию. В ней я, сперва, был начальником связи 68-го стрелкового полка, а потом начальником связи дивизии.

Это зимой 1943-1944 годов было, мы тогда стояли перед самым входом в Белоруссии. 28 декабря меня, ночью, на КП дивизии вызвали, я на лыжах, в масхалате прибежал, мне начальник штаба дивизии говорит: «Сними масхалат». Я все снял, привел себя в порядок, пошли в блиндаж к комдиву, комдивом у нас тогда был Махмуд Абилов, свирепый осетин. Пришли. Он говорит:

- Вот капитан Гладилин? Вот что, Гладилин, с этой минуты ты начальник связи дивизии. Этих м...в я выгнал. Проверь, чтобы к утру их не было, иначе я их постреляю.

Это он о начальнике связи дивизии и его заместителе, Жукове. Он с начальником политотдела дивизии напоролся на Жукова, когда из передней дивизии выходил, тот пьяный валялся.

До этого Абилов на КП нашего полка был, видел, что связь налажена, все прекрасно работает, вот, видимо, на ус и намотал.

Через неделю мне дали машину, поехал в штаб армии. Меня туда начальник связи армии генерал Захаров вызвал. Я пришел, докладываю.

- Капитан Гладилин прибыл. Меня назначил командир дивизии.

- Господи, ты, что еще не бреешься. Как же с тобой по 100 грамм выпить!

- Да я не пью.

- Ладно, налью тебе 10 грамм, чтобы мы с тобой чекнулись. Как такой зверь Апилов назначил такого... Это же дивизия! Люди академию заканчивают. У нас в трех дивизиях начальники связи выпускники академии. А у тебя хоть трехмесячные курсы есть?

- Ничего нет.

- Как же ты стал капитаном?

- Мне ротный под Москвой сказал, что вышел декрет Сталина, что солдат, отличившихся в бою и имеющих военный опыт, назначать независимо от образования на офицерские должности и присваивать офицерские звания. Директива вышла 20 декабря, 5 января меня уже назначили младшим лейтенантом. А до этого командовал взводом, будучи рядовым.

В 1944 году я стал майором, а позже уже, когда я на полковничьей должности был, меня представили к званию подполковника. Белобородов написал, а потом со мной встретился

и сказал: «Временно воздержаться в связи полного отсутствия военного образования, мне присваивали подполковника».

С 70-й дивизией я освобождал Белоруссию, прошел Восточную Пруссию, участвовал в штурме Кенигсберга.

- Вы говорили, что некоторые ребята из вашего института побывали на Зимней войне. Что они рассказывали?

- Во-первых, не было средств для пробития через линию Маннергейма. Второе, не было теплой одежды. Шинели были, а не полушубки. За месяц до конца войны стали поступать полушубки. И третье, финны одну дивизию просто уничтожили, перебили.

У нас неоднократно было – кухня работает, солдаты стоят, в результате финны пробирались и резали наших.

Один раз только видел работу финнов на Северо-Западном фронте. Этот случай на весь фронт прогремел, и даже Москва хорошо знала. Есть деревня Корчевка и в этой Корчевке батальон расположился на ночь, поставили часовых, а те зашли тоже в дом. Пришел взвод финнов и всех зарезали без единого выстрела. Заходили в дом, спят навалом, перерезали всем горло и идут следующие. Корчевка прославилась тем, что финны вырезали батальон.

Раз в Белоруссии я тоже спал, проснулся, пошел на улицу и думаю, ё.. твою мать, на печке у нас спит немец, пленный, хороший молодой парнишка и у него была скрипка, вечером хорошо играл на скрипке. Всех спят, никаких часовых нет. Можно любого зарезать, уйти и ничего не будет. Такие промахи были.

- До войны сначала была пропаганда против немцев, а потом в какой-то момент стало наоборот, немцы наши друзья. Мы вроде дружим, теперь хоп война у нас. Как это воспринималось?

- В молодые годы в основном думали о том, как пропитаться, не провалить экзамены. Помню, 33-й год, как на соседней улице бабка с голоду умирала. Сами делали суп из картофельных шкурок. Помню хлебные очереди.

- В ополчении вы обмундированы и вооружены хорошо были?

- Да. У меня были серые танкистские брюки, галифе и хорошие яловые сапоги, не хромовые, но и не кирза. А вооружен я был снайперской СВТ.

- Как вы относитесь к СВТ?

- В высшей степени считал очень полезным достижением оружейников.

- Вы такой почти единственный. Все остальные говорят, что это просто ужас.

- Во-первых, она была меткая. Я из нее стрелял на расстоянии 200-300 метров. И всегда видел, что падает. Она была удобной тем, что лежишь, стреляешь, когда мостик перебегать пытались, я их – раз – и не надо не ерзать, ничего, следующий уже готов – раз – и опять стреляешь. Положение меняет – это очень важно. Даже в биатлоне и то у стрелка дергается рука. У них нет этого.

- У нее шток заедал при попадании песка, очень нежная.

- При попадании песка заест любое оружие. Я этого не испытал. Я бережно относился. У меня всегда было обернуто или тряпкой, или брезентом – если надо ползти. Я принимал меры, чтобы ничего не попало.

- Как мылись, стирались?

- В 1941 году не мылись, полно было вшей. Жена в бригаде фельдшером была, мы с ней как раз в Свердловске познакомились, когда в бригаду ехали, ходила, проверяла. Есть деревня Суворово, а около нее Ярополец. И там они стояли штабом. А я со своим взводом был в трех километрах в деревне Шишково. И вдруг она туда днем по хорошей погоде по снежку пожаловала, пришла проверять на педикулез, форма № 20. Ребята ей рубахи показывали. Уже она пришла во второй половине дня, уже стемнело. Мы ей говорим, куда ты пойдешь? Тебя немцы украдут, оставайся ночевать, на печке тебя положим. У нас есть котлеты, гречневая каша, накормили ее. Когда она все поела, говорим, только вот беда, лошадь Серка убили, мы вырезали и сделали котлеты. Ой, ее чуть не стошнило. Ладно, тебе, конина то свежая. А вот на северо-западном фронте елидохлых лошадей. Варили три раза. Кипит, сливаешь, после третьего слива, мясо резали на куски, как будто жуешь резину.

- Какое было настроение в первых боях?

- Биться. Я по своей инициативе вылезал вперед. Смотрю труба, а на трубе появился вот такой прямоугольник, в нем вот такая щель, в щели то есть затемнение, то нет. Прикинул в метрах 300. Я лег, уложился, поставил 300 метров, взял эту щель, бронебойный патрон взял. Выстрелил, вижу, как пуля попала, и пыль такая пошла. И смотрю, в щели пропало черное затемнение. И больше, я прокараулил с полчаса – не появлялось. Думаю, гад. Или он в голову брал, или я его упредил, не знаю, не могу утверждать. Потом на другой день там же. Они вынесли мостики через ручей. Только один на мостике появился, я его бульк упал через ручей. Второй – бульк – упал в ручей. Больше никто не выбегает. Потом смотрю, мостик потащили обратно.

- У вас была снайперская книжка?

- Ничего не было.

Настроение было боевое. Никаких сомнений, наоборот. Ротный как-то говорит, надо сходить к соседям, там морская пехота, узнать, как у них обстановка. Я взял бойца Громова, а ему 40. И мы пошли. Дошли до моряков, поговорили, узнали, как у них дела, идем обратно. Пришли обратно, рассказали, что у моряков все в порядке, собираются ночью делать вылазку.

- Таких активных бойцов было много, или это скорее единицы?

- Не меньше половины. У меня был напарник, ротный приказал, сходить в другую сторону, и установить, кто там соседи, моряки или народное ополчение, пошли мы с этим, забыл его фамилию. Он только вышел из тюрьмы, подрался по пьянке, хороший малый, старше меня года на три. Мы с ним пошли, идем обратно. А кустарник редкий такой. И вдруг я замер – немцы. Мы увидели первыми, сразу за кустарники спрятались. Он показывает, он берет на себя левого, а я правого, а среднего возьмем в плен живым. А этих убьем. Они подошли метров на 8, мы выскочили, и сразу выстрелили. Я убил этого, он убил другого. А этот вообще омертвел, нечего было кричать: «Хенде-хох». Мы забрали их оружие, а этого привели, отдали ротному. Он говорит, опять двойной ужин!

- Мне рассказывали про зимние бои под Москвой, что очень тяжело продвигались, потому что снег глубокий. Было такое ощущение, что атакуем, атакуем, несем потери, а у немцев вроде как потерь не было.

Как эти зимние атаки по этому снегу?

- Мы всегда и особенности в наступлении и в обороне несли потерь в 5-6 раз больше, чем немцы. Во-первых, у нас не было так хорошо обучены солдаты. Потому что солдат, прошедших срочную службу потеряли в июле-августе 1941. Почти 4 млн пленных взяли немцы в 1941 году. Жуков же сказал, что мы 1 миллион потеряем, если Киев не сдадим. Сталин рассвирепел. Потери были всегда большие.

- В бригаде были самострелы?

- Жена командира бригады прострелила себе ногу после того, как муж заболел, и его отвезли в тыловой госпиталь. У него сильный ишиас, с ним что только не делали, а вылечить не могли. Она взяла ножку прострелила, чтобы с ним отправиться в тыл.

- Как на фронте относились к замполитам?

- По-разному. Под Москвой политработники зверствовали. Как я их не любил, когда они рассуждали о том, чего не знают и не понимают. Меня однажды чуть член Военного Совета не расстрелял. Я пришел с переднего края, там 200-300 метров всего было, а командир взвода связи батальона в это время спал. И тут приехал этот начальник, а командир батальона ему говорит, нет связи с двумя ротами.

- Где командир взвода связи?!

Я говорю:

- Я командир взвода.

Он раздумывает стрелять или нет. Я говорю: я обеспечиваю связь от командира бригады к командиру батальона. А тут этот дурак вылез из сена, лейтенант, хороший парень, ну член Военного Совета бах в него из нагана. По-моему, не убил, а ранил. В 1941 году товарищи партийцы это дело практиковали. Я видел сам, как расстреляли командира батальона соседней бригады.

- **За что?**

- Толком не знаю за что. Оставили позиции, что-то в таком духе. Потом был приказ, это дело прекратить, а то можно нарваться.

Интервью и лит.обработка: А. Драбкин, Н. Аничкин